

**«Необходимо... заняться образованием края»
(Саттар-хан Абдулгафаров о задачах русской политики
в Средней Азии)**

Дмитрий Арапов

В конце XIX века завершился длительный период присоединения обширных степных районов и оазисов Средней Азии к Российской империи. Варианты реализации этого исторического процесса были различными, в них сочетались военные и дипломатические методы, принудительные и мирные способы достижения геополитических интересов российского государства. Бóльшая часть территории региона была включена в учрежденное в 1867 году и подчиненное в своей деятельности военному министерству Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте¹. Русские власти решали в эти годы самые разнообразные вопросы, направленные на то, чтобы ускорить введение края в общеимперское хозяйственное, правовое и образовательное пространство. Для обеспечения в Туркестане «спокойствия и стабильности» необходимо было создать действенную с точки зрения целей политики царского самодержавия систему контроля над многомиллионной массой коренного населения, господствующей верой которого являлся ислам². Желание более точно откорректировать «сверху» курс имперской политики по «мусульманскому делу» и стимулировало появление в последние дни 1883 года важного документа, к которому имели прямое отношение две неординарные фигуры Средней Азии того времени.

Одной из них был автор этого документа «ученый туземец» первый коренной туркестанец, освоивший русский язык, мусульманский просветитель Саттар-хан Абдулгафаров³. В середине 1860-х годов он был врагом России, но уже вскоре полностью переменял

Дмитрий Юрьевич Арапов, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва.

свои взгляды и стал убежденным сторонником приобщения народов Средней Азии к русской культуре⁴. Все более усиливавшееся «русофильство» этого незаурядного человека вызывало резкое неодобрение в окружавшей его консервативно настроенной традиционной местной среде. По этому поводу Саттар-хан с горечью писал: «Врагами моими были... фанатичные ишаны и ученые муллы⁵. Они враждебно относились ко всему, что было чуждо для них по своей новизне, они не входили в разбор того, хорошо или плохо было русское нововведение... и часто смущали простой народ. Мне приходилось опровергать ложные опасения мусульманского населения».

В 1880-е годы Саттар-хан проживал в Ташкенте, где исполнял обязанности переводчика в различных русских учреждениях и был репетитором («носителем восточных языков») в Туркестанской учительской семинарии. Поводом для написания им записки по «мусульманскому делу» послужило состоявшееся в конце 1883 года совещание учителей городских училищ Туркестанского края, где, среди прочих проблем, обсуждался и вопрос о возможности обучения в русских школах представителей коренного населения. Яркое выступление Саттар-хана на совещании привлекло внимание высшего руководства Русского Туркестана, пожелавшего более детально ознакомиться с его точкой зрения. Формально адресатом датированной 27 декабря 1883 года записки Саттар-хана был главный инспектор училищ Туркестанского края статский советник Алексей Иванович Забелин, но он оказался всего лишь посредником. С самого начала документ предназначался для главного лица в регионе — генерал-губернатора Туркестана генерал-лейтенанта М. Г. Черняева.

Михаил Григорьевич Черняев являлся, бесспорно, одной из наиболее ярких и самобытных личностей в военной и политической истории России 1860—1880 годов. Блестящий интеллект и безупречная личная храбрость сочетались в этом «русском конкистадоре» с крайней неуживчивостью и поразительным умением портить отношения с подавляющей частью современной ему имперской столичной и провинциальной элиты⁶. Действуя в Средней Азии быстро и решительно, Черняев лишь затем ставил «государственные верхи» перед фактом очередного свершившегося завоевания. Важнейшим событием в биографии Михаила Григорьевича стало овладение штурмом в 1865 году «на свой страх и риск» самым большим городом Средней Азии — Ташкентом, входившим в состав Кокандско-

го ханства⁷. Тридцатисемилетний генерал-майор Черняев тут же возглавил вновь образованную Туркестанскую область, но уже в 1866 году за свою непомерную строптивость был отстранен от этой должности.

В последующие годы генерал тесно сблизился с консервативно-почвенническими кругами, враждебно настроенными ко всей политике «Великих реформ» 1860–1870 годов, в особенности к преобразованиям в военной сфере. В своих публицистических выступлениях тех лет Черняев яростно (причем, чаще всего, необоснованно) обличал деятельность военного министра Д. А. Милютина⁸ и первого генерал-губернатора Туркестана К. П. Кауфмана⁹. В ходе Балканского кризиса 1876 года Черняев попытался было организовать сопротивление Сербии туркам, но потерпел полную неудачу¹⁰. Лишь после царевбийства 1 марта 1881 года и кончины 4 мая 1882 года Кауфмана Черняев был призван императором Александром III к активной службе и назначен 25 мая того же года вторым по счету генерал-губернатором Туркестана и командующим войсками Туркестанского военного округа. Прибыв в край, он тут же предпринял попытку сокрушительной ревизии всего кауфманского наследия. Современники и последующие исследователи в основном достаточно негативно оценили итоги этого очередного «туркестанского» этапа деяний Михаила Григорьевича. Бесповоротно испортив к концу 1883 года отношения с петербургскими «верхами», Черняев в середине января 1884 года был отозван в столицу империи и навсегда покинул Среднюю Азию¹¹.

Но при всей противоречивости и экстравагантности поступков Михаила Григорьевича, он в целом реалистично оценивал прочность традиционных устоев среднеазиатского ислама и считал полезным выстроить терпимые отношения с местными мусульманскими кругами. Так, еще в 1865 году в заключенном им после занятия Ташкента договоре с местной элитой было записано следующее: «По повелению Великого Белого Царя и по приказу наместника — губернатора Черняева объявляем вам следующее: вы, ташкентские жители, что вам Бог повелел и что предписывает Священный закон Вашего Пророка, нисколько не изменяя, исполняете в точности»¹². Учет Черняевым значимости «мусульманского фактора» для имперской политики в Туркестане отразился и в его многочисленных маргиналиях на записке Саттар-хана. Судя по первой пометке, Черняев ознакомился с ней уже на следующий день после ее составления — 28 декабря 1883 года.

Анализ содержания записки Саттар-хана дает возможность лучше осмыслить взгляды тех просвещенных мусульман империи, которые в начале 1880 годов приходили к выводу о необходимости модернизации структуры традиционного образования подрастающего поколения (с сохранением, естественно, при этом задачи формирования системы основных исламских ценностей)¹³. Следует подчеркнуть, что и в этом документе его автор связывал будущее просвещения народов Средней Азии прежде всего с Россией. Саттар-хану по-прежнему была близка идея, которую он сформулировал еще в 1876 году в своем выступлении на III Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге: «Теперь мы, при посредстве русского народа, можем вступить в общение с европейскими народами и сделаемся, таким образом, участниками общечеловеческой жизни и научного прогресса». Несомненно, при подготовке записки ее автор должен был учитывать взгляды и пристрастия своего высокопоставленного читателя. Некоторые оценки и предложения Саттар-хана могут показаться спорными или наивными, но в целом документ был написан человеком, искренно заботившимся о будущем своих соплеменников.

Записка Саттар-хана, насколько нам известно, почти не вовлекалась ранее в научный оборот. Современный исламовед П. П. Литвинов, подчеркнув в целом ценность этого источника, обратил внимание на то, что он дошел до нас не в составе архива самого Черняева, а отложился в коллекции материалов другого известного «устроителя Азиатской России» генерала Николая Ивановича Гродекова¹⁴, который с 1883 года занимал пост военного губернатора Сыр-Дарьинской области и по этой должности находился в непосредственном подчинении Черняева¹⁵. Архив Гродекова, как и собрание документов и бумаг Черняева, находятся ныне на хранении в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Записка Саттар-хана присутствует здесь в ее оригинальном русском рукописном «беловом» варианте¹⁶ (см.: ОПИ ГИМ. Ф. 307 «Н. И. Гродеков». Оп. 1. Ед. хр. 45. Лл. 35–47).

Публикация текста записки снабжена необходимым комментарием, включение в его состав пометок на полях, сделанных Черняевым, в каждом конкретном случае специально оговорено. Выражаем особую признательность заведующему ОПИ ГИМ Андрею Дмитриевичу Яновскому за содействие при подготовке записки к изданию.

Его Превосходительству
Господину Главному инспектору
Училищ Туркестанского Края

Долголетняя служба муфтием¹⁷ в г. Чимкенте, пятилетняя служба на должности казия¹⁸ в г. Коканде, по взятии Ферганской области русскими, почетным смотрителем Кокандского Городского училища, вынуждает меня из желания быть полезным, как своему народу, так равно и Правительству, выразить некоторые мысли, основанные на горьком опыте, которые при сем имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство представить благосклонному вниманию Его Высокопревосходительства¹⁹ Господина командующего войсками Туркестанского Военного Округа, Генерал-Лейтенанта Михаила Григорьевича Черняева²⁰.

Сатар-хан

Невежество и фанатизм туземцев здешнего края служили до сего времени безусловным препятствием к сближению их с господствующей нацией — русскими; и это обстоятельство немало ставит затруднений русским властям по управлению краем и отдаляет идею улучшения быта народа этого края на далекое будущее.

Для парализования же этого фанатизма и невежества — этих двух источников всех бедствий и зол необходимо, по моему мнению, заняться образованием края и, чем скорее приступить к этому, тем лучше. Против этого едва ли может быть какое-либо возражение; но тем не менее осмеливаюсь привести некоторые фактические примеры неудобства управления краем и улучшения его быта при нынешнем невежестве народа и его незнании русского языка:

1) Первым далеко не [без]вредным орудием по управлению краем являются переводчики, т. е. никакое столкновение властей с туземцами не обходится без посредства переводчиков, зачастую не обладающих свободно ни русским, ни туземными языками, и нередко отличающихся неправильной передачей слов той или другой нации умышленно из личных видов²¹.

2) Последствием же этого выходит то, что туземцы затаивают в себе ненависть к русским властям, которая может дойти и до затаенного ожесточения; и русские власти поневоле впадают в непростительные, даже недозволенные законом ошибки при всем даже бескорыстии исполнения своих обязанностей, т. е. из этого выходит явный для обеих сторон вред и вид иногда неправильный. Ненависть туземцев и ожесточение, переходя из уст в уста, вкореняются во всей массе и всякая ошибка властей мотивируется с религиозно фанатической точки зрения на разные лады.

3) Те же самые неудобства встречаются от незнания русского языка и в торговых делах. Здесь это дело усложняется еще более тем, что не во всякое время и не везде торговец может располагать услугами переводчика; и при пользовании ими вызываются тоже неудовольствия с присоединением к этому и того, что между туземцами вкрадываются основательные и неосновательные подозрения в обмане. В торговых делах переводчик-маклер не упускает случая поживиться на счет обеих сторон, причем большею частью в убытке остается все-таки торговец — сарт²².

4) Особенность всех почти здешних переводчиков состоит в том, что, делая перевод с русского языка на туземный, все советы, пояснения или увещевания властей передаются почему-то непременно в духе приказания, причем этому способу передачи слов начальника придают особый оттенок, иногда даже весьма резкий, нетерпящий никакого возражения или объяснения со стороны туземцев. Так-что туземец, слыша слова переводчика, приходит в замешательство и робость и уходит с упавшим духом, вполне веря, что это исходит от начальства²³.

Эти немногие факты уже говорят в пользу того, чтобы туземцы обучались русскому языку. Вопрос этот может быть решен в положительном смысле при соблюдении всех предосторожностей, не противоречащих ни верованиям, ни нравам; даже первое время не следует идти резко наперекос и религиозному фанатизму. При соблюдении одних лишь этих условий, по моему мнению, возможна цель открытия народных школ²⁴.

Осмелюсь указать на некоторые недостатки существующих ныне народных школ, которые положительно отталкивают туземцев, мало того, эти немногие недостатки суть источники ненависти туземцев к русским, не только фанатиков, но и людей благомыслящих, сознающих всю пользу этих школ.

1) Ни в одной из этих школ не преподается мусульманское вероучение²⁵. По моему мнению, чтобы не поколебать доверия народа и показать, что школы открыты единственно для пользы их, что в этом нет никакой задней мысли, следует допускать преподавание мусульманского вероучения по программе, положенной в медресе²⁶; причем женщинам должны преподавать женщины и наоборот.

2) На первое время в школах этих не производить занятия по пятницам. Эта мера покажет, что правительство относится с полным уважением к обычаю празднования этого дня (мусульманами. — Д. А.), установленного веками²⁷.

3) Желательно было бы, чтобы между учащими в этих школах были по одной учительнице из мусульманок и переводчицы, а не переводчики, если учащие не знают языка туземцев. Туземцы этого края более доверяют женщинам, чем мужчинам.

4) При преподавании русской грамоте рука об руку должно идти и обучение туземной грамоте. 1-ый и 4-ый пункты польстят туземцев и покажут, что

обучение русской грамоте есть лишь мера необходимая для их же благосостояния и что от них главным образом требуется знание родного языка и веры, дабы они могли быть учителями семьи и своего народа²⁸.

5) Первое время не требовать от образующихся замены национального костюма костюмом европейского покроя²⁹.

6) При дальнейшем воспитании принять меры к тому, что при парализовании фанатизма отнюдь не приводить резкие доказательства тому, например, что известный порядок вещей происходит от фанатизма, а, напротив, стараться выводить фанатизм, так сказать, глядя по головке, чтобы ребенок не мог понять, что в нем умерщвляют то, что он всосал с молоком матери. Все эти мелочи весьма чувствительно действуют на мозг пылкого и самолюбивого мусульманина, а малейшее отступление от них может вселить непримиримую ненависть и отвращение³⁰.

7) Желательно было бы, чтобы во все учебные заведения Туркестанского края принимались на казенный счет мусульманские дети без различия сословий, не стесняясь вакансиями³¹.

Против первого пункта на акте в учительской семинарии г. Миропиевым была прочитана речь в том смысле, что преподавание мусульманского вероучения вредит делу образования, а также и действиям правительства³²; подобное заявление, высказанное, хотя и всенародно, не заслуживает серьезного внимания³³. Во всех среднеучебных заведениях во внутренних губерниях³⁴ империи при ничтожном даже процентном содержании мусульман мусульманское вероучение преподается без всяких препятствий; но история не указывает ни на один случай, чтобы мусульмане, кончившие курс в этих учебных заведениях, шли в разрез интересам государства. Преподавание мусульманского вероучения не в каком случае не может вредить делу, напротив, по моему мнению, вероучение есть опора во всех добрых стремлениях и оно же охрана от дурных помыслов: кто тверд в религии, тот не забывает своего долга, отличает добро от зла, хорошее от дурного и никогда не решится идти против чести и сознания долга и будет тверд в убеждениях приобретенных верою в Бога и добро³⁵.

Что же касается того, что будто бы ислам препятствует цивилизации мусульман³⁶, осмеливаюсь заявить следующее: у арабов, наших единоверцев, со времен Мухаммеда цивилизация была в цветущем состоянии, а после Мухаммеда при его халифах употреблялись все усилия для развития ее. Если бы ислам препятствовал ей, то Мухаммед не в каком случае не покровительствовал бы ученым, халифы не стремились к развитию цивилизации, а сломали бы это одним словом Ал-Корана. История нас убеждает, что астрономия, математика, философия, архитектура арабов заслужили себе славу везде и всюду³⁷. Если бы ислам препятствовал всему этому, то не то, чтобы заслужить славу, но в истории не было бы и не малейшего намека на это. По поводу цивилизации можно бы было привести и слова Корана,

но сделать это здесь считаю неуместным. При разборе некоторых недостатков в существующих учебных заведениях были приведены некоторые мотивы, препятствующие цивилизации туземцев. К этому нужно прибавить еще одно важное обстоятельство, которое служит главным препятствием европейскому образованию туземцев: это наше высшее духовенство — казии, наставники /учителя/ и заведывающие медресе /мутавалли/³⁸.

Помянутые лица всеми силами стараются поддержать ненависть и отвращение среди туземцев ко всему немусульманскому, а в особенности к посещению детьми русских школ. Мотивом к такому действию они выставляют, главным образом, только что указанное выше обстоятельство, т. е. отчуждение из программы народных школ вероучения и родной грамоты, выводя отсюда то, что русские хотят заставить забыть все, что заведено нам Богом и обратить в христианство.

Все это делается не потому, чтобы наше духовенство не понимало пользы русских школ, а просто из личных видов и интересов. Не поступай они так, они потеряли бы всякое значение в народе; а иметь влияние на народ для них важно: от этого зависит все их существование. Иначе и быть не может, потому что они зависимы от народа или, вернее, от пятидесятников³⁹, которыми они избраны и возведены в свой сан. Заслужи они хоть тень неудовольствия пятидесятников, вся будущность их погибла, потому что пятидесятники, влияя на чернь, не замедлят при следующих выборах обойти их и выбрать такого, который, если не нравственными качествами, то по крайней мере ханжеством и умением подделаться под невежественный склад жизни своих избирателей, заслужит репутацию истинного мусульманина и разумеется никогда не согласится на то, чтобы из народа воспитывались люди, которые впоследствии не потерпят подобного варварства со стороны невежественного духовенства, вследствие чего они должны будут лишиться власти почти неограниченного монарха.

Сказанное достаточно ясно показывает, насколько вредно влияет духовенство на народ в деле европейского образования. Это же духовенство вредит и делу правосудия. Чтобы выяснить причины этого вреда, позволю себе указать на тот способ избрания духовенства, который везде и всюду практикуется в этом крае. Народ при выборах этих не только не действует самостоятельно, но даже не принимает и косвенного участия; а ограничивается лишь избранием пятидесятников: само же духовенство избирается уже этими пятидесятниками — представителями, так сказать, народа. Пятидесятники в этом случае имеют в виду и свою пользу, и корыстную цель. Из этого выходит, что казием выбирается тот, который больше затратится на подкупы. Подкупы эти претендентам стоят недешево. Зачастую они делают большие долги и платят невероятные проценты. Следовательно, достигнув звания казиза, им нужно наверстать потерянное и наверстать, конечно, с избытком. Но только сделать это он должен, не теряя авторитет в народе,

расположить в свою пользу и народ, а главным образом пятидесятников. Отсюда происходит масса беззаконий, жалобы на которые разбираются сообщая теми же казиями на съезде⁴⁰. Понятно, что каждый из казиев знает и свои грешки, а потому смотрит на грешки своих сотоварищей сквозь пальцы. А так как жалобы на эти съезды далее нигде не принимаются, то беззаконие вступает в законную силу. Результат тот, что казий благоденствует, а пятидесятник вознагражден тем или другим подходящим к делу способом. Мне лично известны несколько крупных несправедливостей, вошедших в законную силу только благодаря существующему проекту «Положения», в силу которого жалобы на решения съезда казиев не принимаются никуда, [но] о которых говорить здесь нахожу неуместным.

Подобного рода несправедливости повторяются сплошь и рядом благодаря сознанию казиев в том, что за ними нет контроля от правительства и что они за свои решения перед государственными законами неответственны. Тем не менее подобные несправедливости вызывают со стороны судящихся сторон жалобы, которые подаются русским властям, чем причиняется беспокойство, как властям, так и себе, а также возбуждается бесполезная и обременительная для всех переписка.

Все вышеприведенное приводит к тому, что избирательное начало судей и духовенства приносит вред во всех отношениях, как русским властям, так и народу⁴¹. Я глубоко убежден в том, что если бы наше духовенство не избиралось, а назначалось властью правительства, подобных несправедливостей не было бы, да и самый фанатизм и невежество вывелись бы совершенно. Такое мое убеждение основываю на том, что казии и проч. лица назначаемые правительством, сознавая всю ответственность за свои деяния перед начальством, были бы крайне осмотрительны, и не решали бы дела только по совести, в зависимости от того на сколько у кого она чиста и не рассчитывали бы на то, что раз они выбраны, так безответственны до следующих выборов, т. е. на три года. Порядок назначения высшего духовенства начальством согласен и с требованиями шариата. До занятия края русскими казии и проч. лица служили не по выбору, а по назначению правительства.

Полагаю при этом, что назначение духовных властей во внутренних губерниях империи вполне целесообразно. То же самое возможно практиковать и в Туркестанском крае, с некоторыми лишь изменениями. Так как Магометанское Духовное собрание не распространяет на здешний край своих действий⁴², то на первое время учредить в каждой области комиссию для экзаменования претендентов народа на должность казиев, учителей и прочего духовенства.

В состав этой комиссии можно бы было назначить 4-х ученых ташкентских мулл с участием двух интеллигентов-мусульман из служащих под председательством одного из старших чиновников при Генерал-Губернаторе по

назначению Туркестанского Генерал-Губернатора. Четыре [претендента], наиболее удовлетворяющие требованиям шариата, утвердить на должности казиев.

Такой способ назначения не отменяет совершенно и выборного начала, причем выбираемых в казии должно безусловно более четырех /для Ташкента, ибо в Ташкенте четыре казия/, дабы между ними было соревнование на испытание комиссией⁴³. В противном случае по неизбежности пришлось бы ограничиться теми только четырьмя, которые избраны народом, даже и в том случае, если бы они и [не] вполне удовлетворяли требованиям шариата. Комиссии этой можно бы было выдавать из свободных вакуфных⁴⁴ сумм и возложить на них (членов комиссии. — Д. А.) и казиев: 1) казиям /биям/⁴⁵ по прежнему предоставить решение всех дел, кроме уголовных, которые решались бы на основании общих законов⁴⁶; 2) предоставить народу [право] обжаловать неправильные действия казиев /биев/ по делам семейным и разделу имущества, а по остальным делам лишь в том случае, когда сумма превышает 50 рублей, — комиссии⁴⁷; 3) решения обжалованных дел семейных и по разделу имущества в окончательной форме по шариату предоставить комиссии; 4) обжалованные дела на сумму свыше 50 руб. разбирать на основании общих законов; 5) с назначением этой комиссии приступить ей немедленно к приведению в систему шариата; а по приведении в систематический порядок и перевод на русский и сартовский⁴⁸ языки отпечатать и разослать для руководства казиям во все области⁴⁹; 7) все сведения по смертности и рождению казии должны предоставлять ежегодно комиссии, а эта последняя — в областные правления⁵⁰; 8) комиссии привести в ясность средства вакуфа и наблюдать за правильным ведением прихода и расходы его, как то требуется и шариатом, о чем будет объяснено ниже.

Той же комиссии с участием еще одного члена из русских преподавателей, наиболее знакомого с шариатом и бытом народа⁵¹, поручить экзаменовать учителей /мударрисов/ и заведывающих школами /мутавалли — заведывающие вакуфом и имамов⁵²/. На экзамен этот допускать каждого желающего без исключения с соблюдением, однако, условия, чтобы экзаменующиеся лица были по возможности жители не одного и того же города или селения, куда они желают быть назначенными. Если допустить односельцев, то никакой контроль не в состоянии будет уследить, так как жители одного и того же города состоят почти все между собою в родстве⁵³. Эта мера согласна шариату и необходима для того, чтобы наставники и заведывающие вакуфами не были обязаны народу и не зависели бы ни от их выбора и не от влияния казиев; но чтобы казии были только как бы посредниками между ними и комиссией.

По шариату вакуфные деньги должны расходоваться по завещанию жертвователя: 1) на содержание и ремонт школ; 2) на содержание учителей, соответствующих этому званию; 3) на содержание учеников, действительно

учащихся и живущих в школах⁵⁴; 4) на содержание заведывающего вакуфом. Все вакуфные доходы должен собирать мутавалли (завед. вакуфом); он же ведет и расход по всем вышеуказанным пунктом. За правильным ведением дела по вакуфу по шариату должен следить каждый казий в своем участке.

До занятия края русскими, как сказано было выше, учителя и мутавалли, как и казий, назначались правительством. Вследствие этого они служили совершенно независимо друг от друга. Вакуфные дела велись и проверялись тщательно. Ныне же, как учителя, так и мутавалли, выбираются самими учениками. При этом, конечно, корыстные или иные какие-либо цели зачастую играют немаловажную роль. От этого происходит несправедливости и вакуфы расходятся без всякого контроля. Казии благодаря тому же выборному началу умышленно не следят за мутавалли, тоже из личных видов.

Дело в том, что учителя и мутавалли, как наставники и просветители юношества, так или иначе имеют влияние на народ при выборах пятидесятников, т. е. пятидесятники некоторым образом своим выбором обязаны им. Так что при выборе казиев они не гнушаются советами и посулами этих наставников и, таким образом, при выборах казиев наставники являются косвенными двигателями и за это, если не получают дани от казиев, то по крайней мере казии не забывают того, что они некоторым образом обязаны им за свое положение и оставляют их в покое во всех безобразиях по употреблению вакуфов. Вследствие такого беззакония по расходуванию вакуфов, средства эти с каждым годом истощаются, тогда как при правильном расходовании их в два, много в три года средства вакуфа могут дойти до такого размера, что без всякого ущерба прямому его назначению можно бы было завести и лечебницы, и образовательные школы, и другие благотворительные учреждения.

Смею уверить, что контроль комиссии над вакуфами в народе и в самих даже школах будут встречены с восторгом. Это покажет заботу правительства об улучшении медресе, вместе с тем и о развитии мусульманского образования.

Назначение из туземцев младшего помощника начальника города [Ташкента] было встречено массою народа с восторгом⁵⁵. Как на деле оказывается, радовались не напрасно. Будь этот помощник не назначен властями, а выборный, результат был бы далеко не тот, что теперь. При выборном начале, как и пост казиев и прочего духовенства, [должность помощника] покупалась бы безусловно, а от покупки ее народ был бы в угнетении и в нем волей не волей вкралось бы недоверие к правительству.

Точно также назначение комиссии, в которой преобладающий элемент составят ученые сарты, будет ясно доказывать, что правительство старается восстановить то, что было утеряно ими со взятия края русскими. Эта же мера покажет, что правительство, восстанавливая порядок, как требуется

шариатом, принимает меры к развитию всего дорогого каждому сарту мусульманского развития во всех отношениях. Вмешательство же в дела судопроизводства, за исключением решаемых только по шариату в строгом смысле этого слова, вновь подтверждает только что сказанное, показав, что правительство вникло в их беззащитное положение от произвола казиев.

Достигнув всего этого, очень легко будет ввести и русские образовательные школы, завести их даже на вакуфные средства, ибо при таком ведении дела комиссия через все остальное духовенство будет влиять на народ. Следовательно всякая мысль или действие Правительства будут прививаться в народе совершенно незаметным образом.

Все вышеизложенное приводит меня к твердому убеждению, что оно поведет нас, сартов, на пути всеобщего движения прогресса, и смею надеяться, что при содействии русских властей в недалеком будущем навестаем потерянное.

Сатар-хан

Выше было указано на невыгодные стороны большинства ныне существующих переводчиков. Эти невыгодные стороны весьма легко могут устраниться со введением восточных языков в Ташкентской учительской семинарии. При этом, я бы полагал, обязательно изучать эти языки с их письменностью и совершенно отменить ныне существующую систему преподавания русским шрифтом. Русский шрифт не может точно передать особенностей звука произношения мусульманских слогов, что весьма важно для устного переводчика, а для письменного даже необходимо. Эта же семинария может дать и народных учителей по предметам общеобразовательным, но отнюдь не по законоучению. По законоучению же молодые люди из мусульман могут быть лишь контролированы в том только случае, когда в учительской семинарии наше вероучение будет проходить по программе медресе.

Итак: молодые люди, кончившие курс в семинарии, могли бы быть: 1) переводчиками, которых в Туркестанском крае необходимо: в уездные управления — 40 человек, для судей и следователей уездных — 40 человек, в областные правления и губернаторам — 8 человек, начальникам городов Ташкента и Маргелана — 4 человека⁵⁶; 2) учителями в народные школы, число которых будет зависеть от числа школ и штата учителей в этих школах. Чтоб эти молодые люди пользовались в обществе и служебной своей деятельности известным положением, полагал бы, по правам воспитания, приравнять их с кончившими курс в среднеучебных заведениях. Ныне же существующие штатные письменные переводчики пользуются, если не ошибаюсь, правами чиновников вообще; а устные служат по вольному найму. Права первых, если только они ими пользуются, и получаемое ими содержа-

ние от 600 руб. до 800 руб. в год вполне обеспечивают их, как в служебной карьере, так и общественной жизни; но того же нельзя сказать относительно устных. Хотя жалование им положено от 400 руб. до 600 руб., но прав по службе они не имеют. Впрочем все это определено по проекту «Положения» (см. сноску 20. — Д. А.). Как кончившие курс в среднеучебном заведении, они могли бы занять и другие государственные должности, между прочим [быть] старшими, младшими помощниками и чиновниками по военной части /ныне офицеры/; 4) испытанные молодые люди на поприще учителей могли бы впоследствии занять и посты казиев /биев/, волостных управителей и старшин.

Наконец, ушিরив впоследствии программу семинарии, можно бы было окончивших курс в ней, отправлять в университет и таким образом подготовить должностных лиц для народа по всем специальностям без исключения, какой бы он национальности не был, ибо окончивший курс в семинарии при введении восточных языков уже не будет в таком тумане, как нынешние следователи и судьи. С открытием же впоследствии окружных судов для них откроется деятельность и на этом поприще.

Сатар-хан

1883 года 27 декабря

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 337, 342–343.

² По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 года, в Туркестане проживало около семи миллионов мусульман, то есть примерно половина российских последователей «Магометанского закона». Более подробно об этом периоде истории региона см.: Арапов Д. Ю. Россия и Средняя Азия в XVIII — начале XX вв. // Сборник Русского Исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153).

³ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Академик В. В. Бартольд. Сочинения М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 345–348.

⁴ Лукин Б. В. Сатар-хан Абдулгафаров // Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Ташкент, 1974. С. 333–338.

⁵ Мулла — знаток мусульманского ритуала, служитель культа; *ишан* — руководитель дервишского братства, которому беспрекословно подчинялись его рядовые члены.

⁶ Гущенко Е. А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001. С. 344–345.

⁷ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90 годы XIX в.). М., 1965. С. 194–195. В конечном счете Кокандское ханство было ликвидировано, а земли его в 1876 году включены в Ферганскую область в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

⁸ Оценку личности Д. А. Милютин см. в нашей публикации его статьи «О разнообразии племенности в населении государств» (Источник, М., 2003. № 1).

⁹ Кауфман Константин Петрович — генерал-адъютант, в 1867–1882 годах первый генерал-губернатор Туркестана и командующий войсками Туркестанского военного округа. Он управлял краем не столько на основе принятого в 1867 году временного «Положения», сколько используя данные лично ему императором Александром II практически не ограниченные полномочия. В «мусульманском вопросе» Константин Петрович придерживался политики «полного игнорирования ислама» и «невмешательства в религиозную жизнь местных туземцев». Более подробно см.: *Васильев Д. В.* Устроитель Туркестанского края (к биографии К. П. фон-Кауфмана) // Сборник Русского Исторического общества...

¹⁰ Дневник Д. А. Милютин. 1876–1877 гг. М., 1949. Т. 2. С. 55–56.

¹¹ *Глуценко Е. А.* Указ. соч. С. 439–446.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1. В тюркском мире «белый» цвет издревле был связан с обозначением социальных верхов. Русские государи с XV века стали употреблять оборот «Белый Царь» при подписи обращений к своим мусульманским подданным, подчеркивая тем самым право сюзеренитета над ними.

¹³ На другом конце империи, в мусульманском Крыму, к аналогичному мнению тогда же пришел другой известный исламский просветитель Исмаил-бей Гаспринский. См.: *Гаспринский Исмаил-бей.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881 // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001. С. 335–343.

¹⁴ *Литвинов П. П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным документам). Елец, 1998. С. 293. О Н. И. Гродекове см. также нашу публикацию (Источник, 2002. № 5. С. 30–33).

¹⁵ Саттар-хан принял активное участие в организованном Гродековым издании известного свода мусульманского права «Аль-Хидая — проверял правильность перевода юридических терминов источника на русский язык.

¹⁶ По мнению С. Н. Абашина, высказанному в беседе с нами, в подготовке русско-го текста записки Саттар-хана мог принимать участие покровительствовавший ему исламовед Н. П. Остроумов, постоянно уделявший внимание вопросам организации просвещения коренного населения Средней Азии. Более подробно см.: *Алексеев И. Л.* Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сборник Русского Исторического общества...

¹⁷ Муфтий (буквально «дающий фетву») — знаток шариата, который, основываясь на его принципах, а также на прецедентах, давал разъяснения, в виде особого заключения *фетвы*, основных положений мусульманского права и принимал решения по спорным вопросам.

¹⁸ Казий или кади — мусульманский судья, осуществляющий правосудие на основе норм шариата. В Русском Туркестане суд казиев действовал в среде оседлого «туземного» населения.

¹⁹ К генерал-лейтенанту Черняеву как к чину III класса по «Табели о рангах» надо было обращаться формально лишь с титулом «Ваше Превосходительство». См.: *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 142–143.

²⁰ *Пометка М. Г. Черняева.* «Весьма дельная записка, которую необходимо иметь в виду на первом плане при составлении нового Положения» (имелось в виду «Положение об управлении Туркестанского края», которое было окончательно утверждено 12 июня 1886 года. — Д. А.).

²¹ *Пометка М. Г. Черняева.* «Неизбежное зло [нрзб.] мною приняты меры, чтобы назначать на должности уездных (?) начальников туземцев знающих русский язык». Детальный критический разбор деятельности «туземных» переводчиков позднее был

дан великолепным знатоком Средней Азии В. П. Наливкиным. См.: *Наливкин В. П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 67–68.

²² Устаревшее название оседлого, чаще всего тюркоязычного населения Средней Азии.

²³ *Пометка М. Г. Черняева.* «Справедливо».

²⁴ Более подробно о состоянии просвещения в Русском Туркестане в конце XIX века см.: *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 297–318; *Литвинов П. П.* Указ. соч. С. 113–152.

²⁵ *Пометка М. Г. Черняева.* «Необходимо ввести».

²⁶ *Медресе (мадраса)* — мусульманское учебное заведение второй (высшей) ступени после начальной.

²⁷ *Пометка М. Г. Черняева.* «Справедливо».

²⁸ *Пометка М. Г. Черняева.* «Совершенно верно».

²⁹ *Пометка М. Г. Черняева.* «Совершенно верно, не только на первое время, но и навсегда, так как национальный костюм [обусловлен] внутренним бытом и климатическими условиями».

³⁰ *Пометка М. Г. Черняева.* «Верный взгляд, которому к несчастью не держатся».

³¹ *Пометка М. Г. Черняева.* «Неосуществимо».

³² Мировилов Михаил Александрович — выпускник Казанской духовной академии, в 1883 году преподаватель Туркестанской учительской семинарии. Автор сочинения «Религиозное и политическое значение хаджа или священного путешествия мухаммедан в Мекку для совершения религиозного праздника» (Казань, 1877). Во время учительского совещания в 1883 года в Ташкенте резко полемизировал с Саттарханом и отвергал все его предложения, настаивая на том, что весь «ислам пропитан ненавистью к иноверцам».

³³ *Пометка М. Г. Черняева.* «Узкий, чиновничий взгляд».

³⁴ Имелись в виду губернии Европейской России.

³⁵ *Пометка М. Г. Черняева.* «Каждая вера лучше безверия».

³⁶ *Пометка М. Г. Черняева.* «Эту бессмыслицу твердят только те, которые не знают ни ислама, ни его последователей». О политике царских администраторов по отношению к среднеазиатскому исламу более подробно см.: *Ислам в Российской империи...* С. 281–282, 293–297.

³⁷ См. лучшую отечественную работу по этому вопросу: *Фильштинский И. М., Шидфар Б. Я.* Очерк арабо-мусульманской культуры (VII — XII вв.). М., 1971.

³⁸ *Пометка М. Г. Черняева.* «Лично заинтересованы». Как отмечалось выше, Саттархан особенно критически относился к роли среднеазиатских ишанов. При содействии Остроумова была опубликована его статья на эту тему. См.: *Абдулгафаров Саттар-хан.* Мусульманские ишаны // Православный собеседник, 1895, сентябрь. Эта же статья была переиздана в: *Остроумов Н. П.* Саргы. Этнографические материалы. Изд. 2-е, дополн. Ташкент, 1896. С. 216–235.

³⁹ Выборные представители коренного населения, «по одному от каждых пятидесяти домохозяйств». В народе их называли «элликбаши» («пятидесятник»). См.: *Абашии С. Н.* Империя и местное самоуправление: идеология реформ в Русском Туркестане в конце XIX — начале XX вв. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 403.

⁴⁰ Имелись в виду съезды уездных судей, на которых разбирались жалобы на решения отдельных судей, их проступки, злоупотребления и т. д. Более подробно см.: Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судей. СПб., 1901.

⁴¹ Вопрос об эффективности выборности судей «снизу» или назначаемости их «сверху» вызывал и продолжает вызывать споры среди политиков, историков и публицистов в связи не только с прошлым Средней Азии, но и с настоящим России.

⁴² Имелось в виду Оренбургское магометанское духовное собрание в Уфе, которое в конце XIX века ведало духовной жизнью мусульман Европейской России и Сибири.

⁴³ *Пометка М. Г. Черняева.* «Выборное начало есть самая слабая сторона существующего Положения для управления краем. От него одинаково страдают и управляемые, и правящие. Но в избежание резкого перехода к прямому назначению вместо выборов в новом Положении проектируется, что на каждую должность будут избираться от 3—5 кандидатов, из числа которых будут назначаться властью без соображения числа [полученных] избирательных шаров».

⁴⁴ Вакуф — собственность мусульманских духовных учреждений.

⁴⁵ Бий — по традиции наименование родового старейшины у кочевников. В Русском Туркестане суд биев осуществлял среди кочевого населения правосудие на основании норм обычного права. См.: *Васильев Д. В.* Управление коренным населением Туркестанского края в Российской империи // *Кочевая альтернатива социальной эволюции.* М., 2002. С. 250—251.

⁴⁶ *Пометка М. Г. Черняева.* «Относительно кочевников, решение уголовных дел, совершаемых между киргизами (старинное название казахов. — *Д. А.*), русская власть взять на себя не может, потому что ни одно преступление не будет раскрыто. А потому по необходимости надо подчинить решение таких дел суду биев, даже за убийство. То же самое почти можно сказать и об уголовных делах между оседлым населением при неустановленном (?) доверии к русской власти».

⁴⁷ *Пометка М. Г. Черняева.* «Едва ли не преждевременно еще».

⁴⁸ То есть тюркский язык.

⁴⁹ *Пометка М. Г. Черняева.* «Преждевременно. Можно опасаться, что приведенный при содействии русской власти [в систему] шариат будет считаться еретическим. Исправление наших церковных книг может служить нам уроком». Здесь Черняев имел в виду возникновение раскола в русском православии в результате церковной реформы XVII века.

⁵⁰ *Пометка М. Г. Черняева.* «Верно».

⁵¹ *Пометка М. Г. Черняева.* «Русского преподавателя считаю излишним, да такого и нет пока».

⁵² Имам — в данном случае руководитель общей молитвой в мечети.

⁵³ *Пометка М. Г. Черняева.* «Верно».

⁵⁴ Примечание Саттар-хана Абдулгафарова. «[Существуют:] 1) масса учителей, не соответствующих званию; 2) масса проживающих в школах, но не учащихся, а получающих (долю дохода. — *Д. А.*) из вакуфа и занимающихся частными аферами». О практике получения фиксированной доли вакуфных доходов людьми, фактически давно уже забросившими учебу, более подробно см.: *Айни С.* Воспоминания. М.—Л., 1960. С. 197, 216—217.

⁵⁵ Большинство чиновников туркестанской царской администрации не одобрило это решение Черняева и, судя по всему, оно не было практически реализовано. См.: *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 378.

⁵⁶ В 1883 году в состав Туркестанского края входили области Сыр-Дарьинская (с центром в Ташкенте, который одновременно являлся и резиденцией генерал-губернатора), Самаркандская (с центром в Самарканде) и Ферганская (с центром в Маргилане).